

Такім чынам, утварэнне мільённай масы бежанцаў летам 1915 г. прымусіла органы дзяржаўнай улады звярнуць ўвагу на аказанне ім дапамогі. Акрамя аб'ектыўных умоў ваеннага часу, паспяховай дзейнасці перашкаджалі недахоп фінансавых сродкаў і адсутнасць адзінага кіраўніцтва справай.

У якасці галоўнага кіруючага органа ўсёй справай выступіла МУС, якое распрацавала закон «Аб забеспячэнні патрэб бежанцаў», зацверджаны 30 жніўня 1915 г. Была створана Асобая нарада па ўладкаванні бежанцаў пры МУС. Важнейшым рашэннем дзяржавы для актывізацыі справы па аказанні дапамогі бежанцам было рашэнне фінансаваць гэтую дзейнасць сродкамі з казны. У аснове прыцягнення арганізацый да ўдзелу ў аказанні дапамогі бежанцам у законе ад 30 жніўня быў узяты прынцып іх карыснасці для справы, прычым без уліку іх палітычнай пазіцыі. Гэта тлумачыцца тым, што падчас масавага бежанскага руху летам – восенню 1915 г. улада была гатова мабілізаваць для вырашэння бежанскай праблемы ўсе грамадскія сілы, паколькі сама дзяржава засяродзілася на вядзенні вайны. Лібералізм закона ад 30 жніўня праявіўся і ў тым, што, нягледзячы на папярэднія намаганні МУС падпарадкаваць справу мясцовага клопату аб бежанцах толькі губернатарам і граданачальнікам, у законе ён таксама даручаўся ўстановам земскага і гарадскога самакіравання.

Аднак пад уплывам палітычнай барацьбы праца арганізацый, якія крытычна ставіліся да ўрада, стала значна абмяжоўвацца, нягледзячы на карыснасць іх дабрачыннай дзейнасці. Урад падначаліў мясцовы клопат аб бежанцах толькі губернскай і павятовай адміністрацыі – апошнія даручылі размяркоўваць фінансавыя сродкі і кантраляваць іх выкарыстанне. Адсюль можна зрабіць выснову, што палітычная барацьба ў Расійскай імперыі напрамую ўплывала на дзейнасць па аказанні дапамогі бежанцам, прычым самым адмоўным чынам.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Анфимов, А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917) / А.М. Анфимов. М., 1962.
2. Бабков, А.М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915–1916) / А.М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Новыя канцэпцыі і падыходы : Усебел. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лютага 1993 г. : у 2 ч. Мінск, 1994. Ч. 2 : Гісторыя Беларусі.
3. Всероссийский земский союз. Известия главного комитета. М., 1915; 1916.
4. Дякин, В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны / В.С. Дякин. Л. : Наука, 1967.
5. Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1.
6. Законы и распоряжения о беженцах (по 1 апр. 1916 г.). М., 1916. Вып. 2.
7. Известия Всероссийского союза городов. М., 1916.
8. Курцев, А.Н. Беженство / А.Н. Курцев // Россия и Первая мировая война : материалы Междунар. науч. коллоквиума. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999.
9. Лемке, М. 250 дней в царской ставке / М. Лемке. СПб., 1920.
10. Маевский, И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны / И.В. Маевский. М. : Госполитиздат, 1957.
11. Мікалаевіч, А. Бежанцы Першай сусветнай вайны / А. Мікалаевіч // Спадчына. 1994. № 3.
12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 8577.
13. Правительственный вестник. 1914. № 195. 28 авг.
14. Расійскі Дзяржаўны ваенна-гістарычны архіў у Маскве. Ф. 2005. Воп. 1. Спр. 40, 42.
15. Расійскі Дзяржаўны гістарычны архіў у Санкт-Пецярбургу. Ф. 1322. Воп. 1. Спр. 1, 10.

*О.Л. Помалейко, старший преподаватель
кафедры философии Академии МВД Респуб-
лики Беларусь*

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН БЕЛАРУСИ В БРАКЕ В НАЧАЛЕ XX в.

На основе анализа российского гражданского законодательства и семейного обычного права, регламентировавшего брачно-семейные отношения в сельской местности, демонстрируются особенности правового положения женщин Беларуси в браке в начале XX в. Правоотношения супругов строились на началах их неравенства в правах и обязанностях: в личном отношении жена подчинялась мужу как главе семьи; не имела права выбора фамилии, должна была следовать за мужем при перемене места жительства последним; не могла наниматься на работу и поступать в учебные заведения без согласия супруга и т. д. В то же время женщина являлась субъектом правовых отношений. Была отчасти защищена по гражданскому законодательству: брак должен был совершаться по взаимному согласию сторон; выходя замуж, женщина могла повысить свой статус; могла подать на развод; с 1914 г. могла получить отдельный вид на жительство; имела право приобретать, владеть и распоряжаться движимым имуществом по своему усмотрению.

Правовое положение женщин является актуальной проблемой не для одного поколения людей. На протяжении всей истории человечества оно постоянно претерпевает изменения. Предметом исследования данной статьи выступает правовое положение женщин Беларуси в начале XX в. В рассматриваемый период белорусские земли входили в состав Российской империи, на них проживали 115 026 лиц, из них 57 613 женщин [6, с. 41, 43, 45–47]. Согласно российскому законодательству конца XIX – начала XX в. женщины были ограничены в своих правах в значительно большей степени, чем мужчины. Рассмотрим данное утверждение на примере брачно-семейных отношений, имущественного положения женщин, а также прав наследования.

Отношения, возникающие из брака и принадлежности к семье, регулировались нормами, содержащимися в ст. 1 т. X ч. 1 Свода законов гражданских «О правах и обязанностях семейственных» [4]. Брак по российскому законодательству мог совершаться только по взаимному согласию сторон, однако запрещалось вступать в брак без дозволения родителей, опекунов или попечителей [5, с. 12]. В литературе того времени имеется множество примеров, когда девушке искали жениха родители и по сути насильно выдавали замуж. Тем не менее иногда девушка все же могла согласно ст. 37 обратиться в суд для признания брака недействительным [4]. Брачный возраст по ст. 3 т. X ч. 1 Свода законов гражданских устанавливался с 18 лет для мужчин и 16 – для женщин. При заключении брака по возможности ориентировались на социальное равенство. Принадлежность супругов к одному социальному слою означала родственность их ценностных ориентаций и установок, представлений о браке, ожиданий гендерных ролей друг друга. Естественно, это способствовало скорейшему достижению взаимопонимания, налаживанию равноправных отношений. Однако отметим, что женщина, выходя замуж, могла повысить свой статус, перейти в высшее сословие. Обратимся за подтверждением к ст. 100: «Муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином и званием» [4]. Жена не только пользовалась правами мужа, но и не утрачивала их в случае смерти мужа, лишения его всех прав состояния и развода [11, с. 306]. Статья 100 также давала право женщине более высокого сословия, выходя замуж за человека низшего сословия, оставаться в прежнем звании. Однако в этой же статье прослеживается и неравноправное положение: «...женщины не передавали своим мужчинам и детям прав своего высшего состояния, а только пожизненно сохраняли при вступлении в брак свои положение в обществе, привилегии, работу» [4].

Личные правоотношения супругов в царской России были построены на началах их неравенства в правах и обязанностях. На это, в частности, указывал известный правовед конца XIX – начала XX в. Я.А. Кантарович, который исследовал российское законодательство в сфере прав женщин [5]. Согласно закону в личном отношении жена была подчинена мужу как главе семьи, как своему господину. В ст. 106 Свода законов Российской империи указывалось на неполноценность женщин: «...муж обязан любить свою жену, как собственное свое тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей» [4]. Следует отметить, что принцип главенства мужа являлся традиционным в правовых нормах всех стран. В Англии, например, замужняя женщина подпадала под широкую власть мужа и утрачивала при этом свою дееспособность. В соответствии с Германским уложением, вступившим в силу 1 января 1900 г., несмотря на то что семья являлась союзом равноправных супругов, главенство сохранялось за мужем [10, с. 220, 221, 223]. Однако интересен тот факт, что германское гражданское уложение и швейцарский гражданский кодекс, принимая во внимание происходившие перемены в социальном положении женщины, возложили и на жену обязанность содержания мужа [11, с. 313].

Дискриминационный характер по отношению к замужним женщинам в Российской империи носили ст. 103, 107, 179, 2202, ч. 1. ст. 2203 т. X Свода законов, которые были изданы еще в XVIII в. Жене вменялось в обязанность повиноваться мужу своему как главе семейства. «...Прибывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома», – гласила ст. 107 [4]. Женщины лишались права выбора фамилии при вступлении в брак. В ст. 101 указывалось: «Жена именуется по званию мужа...». Следовательно, заключение брака влекло за собой автоматическое изменение фамилии жены: она принимала фамилию мужа. Провозглашая принцип совместного проживания супругов, закон не только обязывал жену проживать вместе с мужем, но и следовать за ним при любой перемене постоянного места жительства. Исключение составляла ст. 50 т. X ч. 1. Свода, в которой говорилось, что если один из супругов «приговорен к наказанию, сопряженному с лишением прав состояния, то другой супруг может за ним не следовать». Одни же неприязненные отношения между супругами либо «отказ мужа давать жене содержание и пропитание» не служили основанием к уклонению жены от совместной с ним жизни. Положение женщин осложнялось еще и тем, что согласно ст. 103 «отдельный вид на жительство же-

не без согласия мужа не выдавался». Однако в начале XX в. царское правительство, хотя и несмело, но неуклонно шло на некоторое расширение прав женщин. 21 декабря 1902 г. был принят циркуляр министра внутренних дел, согласно которому женам-крестьянкам, которые проживали в течение пяти лет отдельно от мужей, могли выдаваться виды на жительство и без разрешения мужей [11, с. 310]. 12 марта 1914 г. был принят закон «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям», согласно которому всем замужним женщинам предоставлялось право получать без согласия мужа отдельные виды на жительство (паспорта) [7, с. 101; 11, с. 310]. Этот же закон в связи с повсеместным нарушением требования об обязательном совместном проживании супругов внес и некоторое смягчение ч. 1 ст. 103 т. X., дополнив ее ст. 103¹, по которой требование супруга о восстановлении совместной жизни могло быть отклонено другим, если совместная жизнь представлялась для него невыносимой. Например, при жестоком обращении с ним или его детьми другого супруга; при нанесении тяжких оскорблений; в случаях бесчестного или порочного поведения; в случае, если один из супругов страдает тяжелой душевной болезнью. Совместная жизнь могла быть также признана невыносимой для жены, если «она одержима такою болезнью, при которой продолжение супружеского сожития представлялось опасным для ее жизни или здоровья» [4; 11, с. 308–309]. Указанным выше законом также разрешалось замужним женщинам при найме на работу, при поступлении на частную, общественную или государственную службу, а также в учебные заведения не испрашивать на то согласия своих мужей [7, с. 98–99]. Однако это частичное смягчение ограничений прав касалось в основном только женщин, проживающих отдельно от мужей. На основную часть замужних женщин, проживающих совместно с мужьями, по-прежнему распространялись унижительные статьи Свода, которые ограничивали их право по своему усмотрению заниматься какой-либо деятельностью. Без согласия мужа жена не могла устроиться на работу, получить образование и т. д. Об этом говорил профессор Л.С. Таль в своих очерках по промышленному рабочему праву. В то же время, например, в Бельгии женщинам разрешалось трудиться без согласия и даже вопреки отказу мужа, но с тем условием, чтобы жена распоряжалась своими трудовыми заработками в интересах семьи [9, с. 118].

Мужчине в Российской империи как главе семьи принадлежало и право решать вопросы бракосочетания детей, прежде всего дочерей. При разводе или других конфликтных ситуациях право на воспитание детей оставалось также за мужем. «Преимущественное право на воспитание детей принадлежало отцу как главе семейства» [4, ст. 173]. Таким образом, самостоятельная власть жены в семье была ослаблена, то есть мать ограничивалась в родительских правах по отношению к своим детям.

Несмотря на то что закон, как и обычай, обязывал женщину повиноваться мужу, на практике это было, как писал известный исследователь М.В. Довнар-Запольский, «...повиновение младшего члена семьи к старшим». К тому же «...отдельность личного имущества, разделение труда, узаконенное обычаем участие в общих делах, – все это придавало женщине определенную самостоятельность и устраняло частые поводы к семейным раздорам». Единственное, что могло нарушить мирный ход семейной жизни – пьянство мужа. Впрочем, и здесь обычай предоставлял право жене уйти от мужа, если муж жестоко с ней обращался. М.В. Довнар-Запольский отмечал, что «...в белорусской семье жестокое обращение мужа с женой – явление очень редкое, даже более того, исключительное» [3, с. 20]. Исследователь обычаев крестьян Могилевской губернии А. Брандт отмечал, что в случае беспутной жизни мужа сельский сход назначал попечителя для обеспечения жены и детей, иногда же сход заведывание хозяйством поручал жене. А если муж бросал жену без всякой причины и не давал ей содержания, «...то мир или волостной суд определял ей часть общего их хозяйства, даже вопреки несогласию мужа» [2, с. 6].

Что касается непосредственно развода, отметим, что женщина имела право стать его инициатором: «брак может быть расторгнут только формальным духовным судом, по просьбе одного из супругов» [4, ст. 45]. Однако, поскольку брак был церковным, церковь в принципе была против развода. В целом развод в Российской империи был значительно затруднен по сравнению, например, с протестантскими странами. Согласно гражданским законам признавались следующие поводы к разводу: 1) нарушение супружеской верности одним из супругов; 2) неспособность к брачному сожительству; 3) лишение по суду всех прав состояния; 4) безвестное отсутствие одного из супругов в течение пяти лет; 5) поступление обоих бездетных супругов в монашество. В законе отсутствовал даже такой повод к разводу, как жестокое обращение одного из супругов с другим [10, с. 240–241]. Российское законодательство XIX в. сделало попытку оградить женщину от физического насилия со стороны мужа, однако в качестве наказания предусматривалось церковное покаяние со стороны виновного [4, ст. 1583]. Женщине просто не было смысла обращаться в суд, поскольку муж-тиран возвращался снова в дом, развод в таких случаях не допускался. После 1914 г. отчасти эта проблема решалась ус-

тановившейся практикой административных властей выдавать женам отдельные виды на жительство. Такой отдельный вид до известной степени ограждал женщину, но развода он, конечно, не заменял.

Несмотря на почти полное личное подчинение жены мужу, в имущественном отношении женщины имели относительную свободу. В российском гражданском законодательстве ряд статей защищал права женщины в этом вопросе. Закон рассматривал супругов как лиц, независимых один от другого относительно имущественного состояния [4, ст. 109]. И именно этим, как считал русский социолог, правовед В.М. Хвостов (1868–1920 гг.), российское законодательство выгодно отличалось от многих западных [10, с. 240]. На преимущества правового положения женщин в области имущественных прав в целом по Российской империи указывает и современный американский исследователь женского движения в России Р. Стайтс [8, с. 29]. В большинстве губерний «...приданое жены, равно как имение, приобретенное ею или на ее имя во время замужества, через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признается ее отдельной собственностью» [4, ст. 110]. В то же время, например, в Черниговской и Полтавской губерниях Российской империи, приданое жены находилось в общем владении и пользовании супругов и жена не могла без согласия мужа делать никаких распоряжений [4, ст. 111]. В целом по империи, согласно ст. 115, запрещалось «...мужу распоряжаться имуществом жены, или жене имуществом мужа, иначе, как по доверенности». К тому же на основании ст. 112 «...имущество жены не отвечало за долги мужа». Супругам предоставлялось право самостоятельно распоряжаться своим имуществом [4].

Вышесказанное подтверждается и проведенными исследованиями на территории белорусских губерний М.В. Довнар-Запольским, А. Брандтом [2; 3, с. 28–29]. Последний писал, что «приданое поступает в общее распоряжение и пользование мужа и жены, но при взыскании мужниных долгов приданому ведется особый счет...». И далее: «...деньги же, выручаемые от продажи грибов, ягод, цветов, орехов..., а равно от личных заработков жены, составляют ее исключительную собственность, которой она может распоряжаться без спроса и согласия мужа. Уплата долгов жены, когда она живет совместно с мужем, для последнего обязательна и таковые могут быть взысканы с помощью волостного суда» [2, с. 5–6].

В заключение остановимся на правах наследования. Из вышесказанного можно было бы предположить, что если в этой области и должны были существовать какие-либо различия между полами, то только в пользу женщин, так как им не в такой степени, как мужчинам, были открыты пути к самостоятельному заработку и они вследствие этого больше мужчин нуждались в получаемом по наследству имуществе. Однако просматриваются совершенно иные принципы. Статьи о разделе наследия закрепляли первоочередное право наследования за мужчинами. Женщины были наследницами при отсутствии мужской половины [4, ст. 1126]. Известное правило того времени гласило: «Сестры при братьях не наследницы». Дочки при сынах, то есть сестры при братьях получали со всего наследия недвижимого имущества четырнадцатую часть, а с движимого – восьмую [4, ст. 1130]. Если сыновей не оставалось, то дочери делили наследство поровну [10, с. 240]. Отметим, что в рассматриваемый период женщины в других странах Европы, за исключением Англии, в правах на наследование были уравнены с мужчинами [10, с. 223]. В Российской империи, как отмечал В.М. Хвостов, «...несправедливость законов о наследовании могла быть исправляема лишь завещаниями, однако, они допускались только относительно имуществ благоприобретенных, но не родовых» [10, с. 241]. Известный правовед того времени В.П. Безобразов также отмечал, что женщина могла наследовать имущество только по прямой линии или по завещанию. Он писал, что женщина не вправе была наследовать имущество деда, дяди и тети, если у нее был брат, и именно ему отдавалось преимущество в этом вопросе [1, с. 6]. Что касалось наследования после мужа, то на основании ст. 1148 законная жена после мужа, как при живых детях, так и без оных, получала из недвижимого имения седьмую часть, а из движимого – четвертую [4]. В то же время закон не обязывал мужа непременно оставлять жене указанную долю не только в родовом, но и в благоприобретенном имуществе; последним он всегда волен был распоряжаться по своему усмотрению.

Исследуя обычаи в Могилевской губернии, А. Брандт отмечал, что «...супруги наследуют друг после друга во всем движимом и недвижимом имуществе, если они прожили вместе продолжительное время, в противном случае право наследования им не принадлежало. Бездетный муж наследовал после своей жены наравне с супругом, имеющим детей, бездетная же, оставшаяся с одними дочерьми вдова, получала только усадебные постройки и небольшой огород». Впрочем, как далее писал исследователь, «...в Чаусском уезде, вдова, хоть и бездетная, наследовала все недвижимое имущество мужа, если у последнего не было близких родственников. Вдова в Климовичском уезде, если она оставалась с детьми, особенно мужского пола, то получала от свекра ту часть имения его, которая причиталась бы умершему мужу, но в большинстве случаев часть эта оставалась в распоряжении свекра до совершеннолетия ее детей. Вдова же отделенного сына или домохозяина при малолетних детях, как

женского, так и мужского пола, вообще оставалась полною хозяйкой в доме и могла самостоятельно распоряжаться имуществом. По достижении сыновьями совершеннолетия мать-вдова (по сведениям Климовичского уезда) во многих случаях сохраняла свои права до своей смерти, но с некоторыми ограничениями по управлению хозяйством» [2, с. 12–13].

3 июня 1912 г. Государственной Думой Российской империи был принят закон об уравнивании в правах наследования, по которому женщины уравнивались с мужчинами при наследовании только движимого имущества. Что же касается недвижимого имущества, то в этом отношении и в 1912 г. женщины не были уравнены в правах: доля сестры при братьях составляла одну седьмую [11, с. 405, 441–442]. В праве наследования женщины не были равноправны с мужчинами вплоть до революции.

Таким образом, в основе семейного права лежал принцип главенства мужчины в семье и личной подчиненности женщины. В соответствии с общероссийским гражданским законодательством начала XX в. в правовом положении женщин белорусских губерний в сфере брачно-семейных отношений в сравнении с центральными регионами Российской империи существенных отличий не было. На реализацию и специфику брачных практик (возрастной ценз вступления в брак, возрастная разница супругов, количество детей и т. д.) влияли сословное положение, этнический фактор, обычаи и религиозные нормы. Российское семейное право в рассматриваемый период не соответствовало требованиям времени, поскольку в начале XX в. все больше женщин стремились зарабатывать самостоятельно, но без разрешения мужа не имели права устроиться на работу, даже имея специальность. Право выбора места жительства семьи принадлежало мужу, в этом было еще одно препятствие для реализации женщиной своих профессиональных знаний, поскольку женщина должна была искать работу только в той местности, которую выбирал муж. Тем не менее согласно законодательству дореволюционного периода женщина все же являлась субъектом правовых отношений, как и мужчина. Она имела право приобретать, владеть и распоряжаться движимым имуществом по своему усмотрению.

Библиографические ссылки

1. Безобразов, В.П. О правах женщины / В.П. Безобразов. М., 1895.
2. Брандт, А. Юридические обычаи крестьян Могилевской губернии / А. Брандт. Б.м.: [Тип. А. С. Суворина], Б.г.
3. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи / М.В. Довнар-Запольский. Киев : Издание А.П. Сапунова, 1909.
4. Исаченко, В.В. Законы Гражданские / В.В. Исаченко // Свод законов. СПб., 1916. Т. X. Ч. 1.
5. Кантарович, Я.А. Законы о женщинах. Сборник всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола / Я.А. Кантарович. СПб., 1899.
6. Пространство и население России в 1905 г. СПб. : Типогр. Н.Л. Ныркина, 1906.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. М. : Мысль, 1914.
8. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Р. Стайтс ; пер. с англ. М. : Росспэн, 2004.
9. Таль, Л.С. Очерки промышленного рабочего права / Л.С. Таль. 2-е изд. М. : Второе Моск. науч. изд-во, 1918.
10. Хвостов, В.М. Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу / В.М. Хвостов // Мужские ответы на женский вопрос в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.) : антология : в 2 т. / сост. и общ. ред. В. Успенская. Тверь : Феминист-пресс, 2005. Т. 2.
11. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич : в 2 т. М., 1915. Т. 2.

А.М. Сувалаў, старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь

ЭТНАГЕНЕЗ І ЭТНІЧНАЯ ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСАЎ У ПОГЛЯДАХ М.В. КАЯЛОВІЧА

Аналізуюцца погляды аднаго з бацькоў заходнерускай ідэалогіі М.В. Каяловіча на этнагенез і этнічную гісторыю беларусаў. Разглядаюцца пануючыя палажэнні гістарыяграфіі XIX ст. на этнагенетычныя працэсы Усходняй Еўропы, вызначаюцца фактары, якія аказалі дамінуючы ўплыў на фарміраванне поглядаў даследчыкаў адносна беларусаў. Аналізіруюцца сітуацыя, у адпаведнасці з якой у якасці этнічнай асновы беларусаў М.В. Каяловіч выдзяляў толькі ўсходнеславянскія плямёны крывічоў і дрыгавічоў, не ўказаўшы радзімічаў. Не ўказваліся ў ліку этнічнай асновы беларусаў і неславянскія элементы. Робіцца выснова, што падставу падобнага ігнаравання трэба бачыць не столькі ў навуковых падыходах, колькі ў палітычных перакананнях М.В. Каяловіча і ва ўстаноўках заходнерускай ідэалогіі. Акцэнтуюцца ўвага на агульным значэнні постаці М.В. Каяловіча ў фарміраванні поглядаў расійскай гістарыяграфіі на беларускую праблематыку.

Айчынная гістарыяграфія да апошняга перыяду не надавала сур'ёзнай увагі постаці М.В. Каяловіча. З часоў прафесара А. Цвікевіча ў беларускай гістарыяграфіі М.В. Каяловіч выступае ў якасці аднаго са стаўпоў «заходнерусізму» [8, с. 142]. Нягледзячы на тое, што манаграфія А. Цвікевіча, прысвечаная ў тым ліку і асобе «бацькі» заходнерускай ідэалогіі, была напісана напачатку XX ст., а